

А. ЛОЗОВСКИЙ

Анархизм и марксизм в массовом движении

Анархизм всегда теоретически и практически противопоставлял себя марксизму. Он исходил из той предпосылки, что массовое движение по самому своему существу является движением анархическим и что задача заключается в том, чтобы это массовое движение развертывать, обострять, не оформляя его и не давая ему законченных организационных рамок. Личность и активное меньшинство играют роль возбудителя событий, фермента массового движения, но движение само определяет свои цели независимо от теоретиков и руководителей. Противопоставление рабочего интеллигенту особенно резко в учении анархистов, причем делалось оно всегда как раз со стороны наиболее квалифицированных и наиболее оторванных от рабочей массы интеллигентов. «Мы верим в массовое движение, мы верим в разум трудящихся, они сами все сделают», — вот в общем и целом философия анархизма. И может показаться, что при такой вере в массы, при таком поклонении перед разумом стихии анархисты должны были бы быть наилучшими выразителями идей этих масс, и массовое движение должно было бы оправдать теорию и практику анархизма. На самом деле получилось как раз наоборот. Чем шире развертывалось массовое движение, чем больше рабочий класс вовлекался в борьбу, тем влияние анархистов становилось меньше и меньше. В этом отношении крайне характерна роль анархистов в сравнении с марксистами-коммунистами в революционных событиях последних лет вообще и в профдвижении в особенности.

Война внесла в ряды анархистов еще большее опустошение, чем в ряды социалистов. Принципиальные противники парла-

ментаризма оказались во многих странах трубадурами «справедливой войны» и фореиторами¹ при своих правительствах. Первыми в этом водовороте событий начинают оправляться революционные марксисты. Среди них рождается протест, они создают первые интернационалистические ячейки, они создают конференции в Циммервальде и Кинтале², давая теоретическое выражение тому глубокому кризису, в который рабочее движение вступило, начиная с августа 1914 года. Революционный марксизм сразу определил приливы кризиса, корни массового перехода социалистических партий на сторону буржуазии и наметил методы борьбы против войны и против реформизма.

Война лишней раз доказала правильность марксистского анализа классовых сил, и марксизм вышел из этого колоссального кризиса в значительной степени очищенным от того шлама, который накопился на нем на протяжении предыдущих лет органического развития буржуазного общества. Он вышел обогащенным из войны и особенно много почерпнул он в Российской Революции и в тех грандиозных событиях, которые развернулись на фоне этой Революции.

Марксизм всегда исходил из положения, установленного Гегелем, что истина конкретна, и поэтому он нашел твердый базис в этом вихре событий. Он нащупал больные места современного общества и определил, в каком направлении нужно действовать для того, чтобы увеличить классовые трещины в капиталистической строе. Революционный марксизм оформился в период войны и революции, как коммунизм, нашедший свое международное выражение в лице коммунистического Интернационала.

Отличительная черта марксизма заключается в том, что он всегда изучает реальное положение дела, что он основывает свою тактику и свою линию поведения на непосредственных явлениях жизни, что он тщательно изучает наличные силы, и только после того изучения намечает для себя линию поведения. Поэтому он завоевал такое влияние, поэтому он стал основным фактором в борьбе классов в настоящее время. Поэтому Коммунистический Интернационал и коммунистические партии являются главнейшими врагами современного строя, ибо современные руководящие слои буржуазии прекрасно умеют определять, где находится самый опасный их враг.

Не то с анархизмом. Отличительная черта анархической идеологии — это ее отвлеченность. Анархическая тактика

одинакова для всех времен и для всех народов. Она не строится на конкретном изучении действительности, а на отвлеченных, раз навсегда установленных нормах. И несмотря на постоянные ссылки на массу, на преклонение перед массой, на торжественные заявления о том, что разум стихии выведет трудящихся на правильный путь, — несмотря на все эти торжественные декларации, анархизм витает вне гущи самой жизни. В период войны он ничего не сумел создать. После войны, вместе с началом революции он не овладел ни массовым движением, ни создал определенной теории. Высшей ступенью развития анархизма в период революции была махновщина, но махновщина выродилась как известно в бандитизм, да оно иначе и не могло быть, ибо идеология анархизма с ее отвлеченным теоретическим культивированием массы и фактическим преклонением перед личностью, перед инициативным меньшинством, является апологией индивидуализма. В период гигантских событий анархисты все время оставались в виде кружка рационалистов и всегда, когда они пытались вмешиваться в гущу жизненного движения, они выплывали во главе мелкобуржуазной стихии, которая подчиняла их себе и несла их на гребне чисто кулацкой волны. Так, анархизм при прикосновении к революционной массе не оформлял этого движения, не руководил им, не давал ему определено их лозунгов и направления, а носился без руля и без ветрил, теряя остатки своей теории и программы.

Революция — прекрасное испытание для теории. На чём лучше, чем на революции, можно было испытать крепость марксизма и анархизма. Если до революции шел теоретический спор о будущих формах и методах борьбы за низвержение капитализма, то революция потребовала практического проведения в жизнь своей теории, она заставила каждую группу, каждую партию не только провозглашать лозунги, но их осуществить, не только говорить о будущем, но действовать в настоящем. Революция — это стихия, охватывающая десятки миллионов людей. Она имеет свои законы и та политическая группа, которая законов этих не понимает, которая хочет создать свои законы развития для революционных событий, беспощадно отбрасывается в сторону и революция шагает через ее голову. Мы это видели на судьбе анархизма в русской революции.

Еще более разительна беспочвенность и полная оторванность анархизма, когда мы переходим к профдвижению. Раньше мы

имели дело с неорганизованной массой, которая двигается согласно особым, трудно поддающимся учету законам. Но профдвижение — это есть уже организованная масса. Перед нами часть трудящихся, собранных вместе на основе элементарного чувства солидарности, элементарных потребностей самообороны. Профсоюзы есть органы самозащиты рабочего класса и только после долгих лет борьбы они из органов самозащиты становятся органами нападения на весь капиталистический строй.

Анархизм пустил корни в профдвижение некоторых стран, причем с самого начала необходимо отметить, что количество этих стран довольно ограничено. Дело идет преимущественно о латинских странах: Франции, Италии, Португалии, Аргентине и т. д. Чем объяснять тот факт, что анархизм расцветает преимущественно в латинских странах и что он представляет собою ничтожную величину в англо-саксонских и германских странах? Объяснение можно найти в структуре этих стран, с преобладанием крестьянского мелкого хозяйства и ремесла над крупной промышленностью. Влияние анархизма в профдвижении — это есть отражение своеобразной экономической структуры этих стран. Но анархизм, коснувшись профсоюзов, преобразовался: он не остался в том чистом виде, в каком он раньше пребывал, ибо рабочая организация, какова бы она ни была, самим фактом своего существования нарушает ряд священных принципов анархической идеологии. Там где есть организация, есть меньшинство и большинство, есть дисциплина, есть подчинение и т. д. Свободная анархическая личность со всем этим не считается. В латинских странах из синтеза отвлеченного анархизма и профдвижения получилась теория, известная под именем революционного синдикализма, имеющего в себе несомненно черты революционного массового движения и отвлеченного анархического рационализма. Революционный синдикализм создал своеобразную теорию освобождения рабочего класса. За основу он берет известную формулу Карла Маркса: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», причем он это толкует таким образом, что профсоюзы подготовят социальную революции, проведут ее и используют результаты социального переворота. Никакие другие организации не могут и не должны заниматься вопросом рабочего движения. Если есть коммунисты, которые хотят

бороться против буржуазии, то пусть они организуют интеллигентов и крестьян, но рабочий класс есть монополия революционного синдикализма. Отсюда теория абсолютной независимости профдвижения и противопоставление профсоюзов коммунистическим партиям и коммунистическому Интернационалу.

Здесь мы видим те же черты, которые свойственны анархизму. На профдвижении сказалась вся слабость анархической идеологии, выдвигая совершенно правильную мысль о том, что основная задача профсоюзов есть низвержение буржуазии, они отсюда делают вывод, что борьба за повседневные интересы рабочих является вопросом второстепенным, неважным, они хотят интегрального социализма, т. е. немедленной революции. Они не хотят борьбы за повседневные интересы рабочих масс, считая это второстепенным делом. И чем больше они проводили и проводят эту точку зрения, тем больше массы от них уходят, ибо широкие массы мало знают прекрасные анархические теории: они борются потому, что не могут не бороться, и задача руководителей заключается не в том, чтобы кричать об интегральном социализме, а в том, чтобы на почве непосредственных нужд рабочего класса его организовать, ввести рабочую массу в повседневную борьбу и на почве этой борьбы укреплять и сплачивать армию для штурма капитализма.

Если взять мировое профдвижение в целом, то в левом крыле профдвижения анархизм представляет собою ничтожную величину. Революционный синдикализм имеет опору в некоторых странах, но он не однороден. В нем борются несколько течений, из которых одно ближе всего к коммунизму, ибо оно исходит из реального соотношения сил и стремится сделать выводы из опыта войны и революции.

Анализ революционного движения в целом, анализ всех массовых движений последних лет и борьбы передовых рабочих за завоевание союзов показывает соотношение сил между анархизмом и революционным марксизмом. С одной стороны — отвлеченные, рационалистические построения, преклонение перед стихией при бессилии направить эту стихию к достижению определенных целей, а с другой стороны — диалектическое понимание событий, конкретное и тщательное изучение действительности, учет всех борющихся сил, приспособление своей тактики к реальному положению вещей и неуклонное,

упорное и постоянное движение к раз поставленной цели — к коммунизму.

Последние месяцы идейной борьбы внутри левого крыла международного профдвижения с особой наглядностью выявили удельный вес революционного марксизма и анархизма в профдвижении. Коммунист при оценке событий всегда исходит из класса. Он маневрирует революционными массовыми величинами, он определяет линию поведения, оперируя историческими категориями. Анархисты исходят при построении тактики с точки зрения личности и в лучшем случае — с точки зрения активного меньшинства. Поэтому каждый раз, когда надо оценить новое положение, определить линию поведения в этом бурном потоке событий, анархисты обращаются к своему арсеналу постоянных и вечных истин и там черпают материал для выработки своей тактики. Коммунист вырабатывает свою тактику, исходя не из вечных формул, а из реальной жизни, из классового столкновения сил, он изучает массовое движение и намечает ту линию, по которой рабочая масса не может не идти. Это столкновение двух мировоззрений, двух методов подхода к массам и событиям мы видели на столкновениях по вопросу о едином фронте, на отношении к революции вообще и к русской революции в особенности.

Если события нарушают построения анархических теоретиков или идут вразрез с той программой, которую выставляют, скажем, революционные синдикалисты, они заявляют: «тем хуже». Они считают настолько непоколебимыми свои построения, что не считают нужным обращать внимание на прозу жизни. Поэтому они играют второстепенную роль в мировом рабочем движении, и поэтому там, где начинается революция, где массы приходят в движение, анархизм сходит на десятое место и если проявляет себя, то в виде индивидуальных экспроприаций, набегов и проч.

Марксисты тем сильны, что они постоянно учатся. Они никогда не скажут: «тем хуже для фактов», если их построения опровергаются жизнью. Они готовы всегда выработать новую тактику и новую линию, если их построения оказываются неприменимыми на практике. Этим объясняется растущее влияние революционного марксизма в мировом рабочем движении и этим можно объяснить, что мировая буржуазия видит в Коммунистическом Интернационале и в коммунистических партиях своего самого серьезного врага.

Русская революция и развертывающаяся борьба за мировое профдвижение показали, что анархизм является отражением мелкобуржуазной собственнической стихии, направленной против пролетариата, безжизненной и мертвой теорией, которая тащит назад рабочий класс от стоящих перед ним революционных задач.

Москва 15/III 1922 г.

